

Белоруссия в 1942 г.: повседневность в условиях нацистской оккупации

Гребень Евгений Александрович,

кандидат исторических наук,
Белорусский государственный аграрный
технический университет

История Второй мировой войны традиционно рассматривается как противостояние враждебных идеологий на фронтах, функционирование оккупационного режима, проблема сопротивления оккупантам. До настоящего времени жизнь «маленького человека», факторы, оказывавшие влияние на повседневность в период нацистской оккупации, изучены достаточно фрагментарно. В данной статье рассматривается ряд аспектов повседневной жизни гражданского населения оккупированной Белоруссии.

Оккупированная территория Белоруссии осенью 1941 г. была поделена нацистами на несколько частей. Западные регионы Минской области, части Барановичской, Виленской, Брестской, Пинской и Полесской областей – примерно четверть площади бывшей БССР – вошли в состав рейхскомиссариата «Остланд» в качестве генерального округа «Белорутения». Часть Виленской области была включена в состав генерального округа «Литва» этого же рейхскомиссариата. Западные районы Белоруссии, в том числе Белостокская область, составили отдельный округ (Bezirk), присоединённый к землям рейха (Восточной Пруссии). Южные области республики оказались в составе рейхскомиссариата «Украина», а восточные остались под управлением военных властей в тыловом районе группы армий «Центр».

Генеральные округа рейхскомиссариатов подразделялись на особые административные единицы – гебиты, во главе с гебитскомиссарами. В «Белорутении» имелось 10 гебитов: Барановичский, Виленский, Ганцевичский, Глубокский, Лидский, Минский, Новогрудский, Слонимский и Слуцкий, а также город Минск на правах самостоятельного гебита. Гебиты в свою очередь делились на волости и районы.

Высшим органом управления в «Белорутении» являлся генеральный комиссариат, состоявший из 10 рефератов (отделов) и некоторого числа подотделов. На местах оккупационная администрация была

представлена волостными, городскими управами, возглавляемыми войтами и бургомистрами. В сельских поселениях назначались старосты и полицейские.

В тыловых районах группы армий «Центр» власть осуществлял его начальник генерал от инфантерии Максимилиан фон Шенкендорф. Ему и его штабу подчинялись многочисленные местные, городские и районные комендатуры с военными комендантами во главе. Для проведения в жизнь решений военных властей в городах также организовывались управы и назначались бургомистры, а в сёлах – старосты.

Уже в первые месяцы оккупации начала функционировать система регистрации и учёта местного населения. На основании распоряжения немецкого военного командования от 17 октября 1941 г. все коммунисты были обязаны ежедневно являться на проверку¹. Приказом по Добрушскому городскому управлению от 27 марта 1942 г. предписывалось всем военнообязанным гражданам Добруша 17–50 лет, прибывшим из окружения или не попавшим в армию, в трёхдневный срок обязательно стать на учёт в отделе кадров городского управления². В постановлении Езерищанской районной управы, предписывавшей явку на регистрацию мужчин старше 15 лет и женщин – бывших комсомолок и членов партии, подчёркивалось, что лица, не зарегистрировавшиеся к определённом сроку, будут рассматриваться как пособники партизан со всеми вытекающими из этого обвинения последствиями³.

Отдельно учитывались бывшие советские военнопленные, которым оккупационные власти патологически не доверяли, поэтому местная администрация заводила на бывших военнопленных особый список, отмечая среди них местных уроженцев и пришлых из других регионов⁴. Бывшие красноармейцы были обязаны проходить еженедельную проверку⁵.

Естественно, при первой же возможности местная администрация стремилась избавиться от этой небезопасной категории граждан. Например, в марте 1942 г. (с самого начала мобилизации жителей Белоруссии на работы в Германию) из Холопеничского района было отправлено 20 человек бывших красноармейцев, уроженцев России и Казахстана⁶. В западных районах Белоруссии администрация с недоверием относилась к так называемым «восточникам», прибывшим сюда после сентября 1939 г.

Все граждане оккупированных территорий были обязаны зарегистрироваться в местной администрации. За регистрацию лиц моложе 18 лет отвечали родители или опекуны ребёнка. Любое лицо, прибывшее на территорию волости на временное или постоянное место жительства, было обязано в течение 24 часов явиться к бургомистру и указать имя, фамилию, год и место рождения, профессию, национальность, подданство и вероисповедание, а также предыдущее место

жительства. При снятии с учёта указывалось предполагаемое место жительства. Каждый домовладелец являлся ответственным за то, чтобы все въезжающие или выезжающие лица регистрировались у бургомистра. По факту прибытия (убытия) бургомистром выдавалось специальное удостоверение. Поскольку часть граждан уклонялась от регистрации, оккупационные власти угрожали наказанием, в частности временным или постоянным лишением продуктовых карточек, поскольку штрафы с исключительно бедного населения взимать было проблематично. Лицам, дающим приют партизанам или сочувствующим советской власти, грозил расстрел⁷.

В связи с тем, что главы местной администрации несли персональную ответственность за благонадёжность проживающих в данной местности граждан, старосты иногда отказывались регистрировать некоторых лиц, прибывших в данный район после начала войны, тем самым снимая с себя ответственность и возможное наказание со стороны немцев, в случае если человек потом мог быть обвинён в нелояльности к новому порядку.

В частности, это касалось лиц, репрессированных и высланных советскими властями на поселение в Белоруссию. Поэтому оккупационные власти обращали внимание местной администрации на то, что данная категория граждан также подлежит обязательной регистрации и обеспечению удостоверениями личности (наставления бургомистрам от 12 сентября 1941 г.). Для этой категории граждан требовалось завести специальную регистрационную книгу – «реестр чужих», в которой отмечались дата прибытия на нынешнее место жительства и предыдущий адрес. Копия «реестра чужих» передавалась местной комендатуре. В свою очередь, от граждан, вносимых в «реестр чужих», требовалось доказать документально или через свидетелей, что они не имели связей с коммунистической партией или Красной армией. В случае, если подобные лица не могли доказать свою непричастность к советским структурам, их требовалось немедленно передавать для проверки в местную комендатуру⁸.

О необходимости регистрации и порядке функционирования паспортного режима местных жителей уведомяли специальными листовками. Иногда в них содержались предписания разного рода. Так, одна из листовок за подписью германского главнокомандующего призывала не ходить по дорогам и не переезжать на другое место жительства в целях безопасности (например, чтобы человека не сочли партизаном).

Лицам, вследствие боевых действий оказавшимся на новом месте жительства, рекомендовалось не менять его, поскольку зарегистрированные граждане могли быть уверены в неприкосновенности своей жизни, а также получить «хлеб и работу». Отмечалось, что тем, «кто

болтается с места на место», никто не имеет права давать есть, их могут убить или ограбить партизаны, и, более того, эти граждане могут подвергнуться нападению волков⁹.

Документы разрешалось выдавать только тогда, когда проситель мог подтвердить заявляемые сведения, причём это касалось даже лиц, которые давно проживали в данной местности.

Если у гражданина не оказывалось довоенных документов (советского или польского паспорта, церковной метрики), то он был обязан предоставить свидетелей, которые могли подтвердить правдивость слов просителя, то есть его фамилию, имя, отчество, возраст, место жительства и род занятий, а также политическую благонадёжность, после чего выдавалось удостоверение личности.

Гражданское население старше 16 лет было обязано иметь при себе удостоверение личности (аусвайс), выданное по месту жительства главой местной администрации. Гражданам, имеющим советские паспорта с неистекшим сроком действия (а в западных районах республики и польские паспорта), в первый период оккупации аусвайсы не выдавались: вместо этого в паспорте делалась регистрационная отметка на немецком и русском языках.

Лицам, не имеющим выданных прежними властями (советскими или польскими) документов, после проверки личности выдавались аусвайсы (порядковый номер аусвайса соответствовал номеру в «реестре обывателей» или «реестре чужих»).

Последнее позволяло в случае необходимости сверить номер аусвайса с номером реестра и удостовериться в подлинности документа, поскольку постоянно имели место случаи подделок аусвайсов или заполнения украденных формуляров партизанами и подпольщиками.

С целью дифференциации удостоверения снабжались пометками: чужие обозначались буквой «F», евреи – «J», а иностранцы – «A». Записи в удостоверениях личности выполнялись на немецком и белорусском (в генеральном округе «Белорутения») или русском языках (тыловая зона группы армий «Центр»), за исключением генерального округа «Белосток», где выдавались аусвайсы на немецком языке, содержавшие дактилоскопический отпечаток¹⁰.

Для многих жителей западных районов Белоруссии стратегией выживания в период оккупации являлась смена национальности с польской на белорусскую. К этому их вынуждало подчёркнуто негативное отношение немецкой и белорусской коллаборационной администрации к польскому меньшинству.

Более того, многие этнические белорусы, особенно католики, во времена Российской империи, при советской власти, польской вла-

сти в Западной Белоруссии* 1920–1930-х гг. были ошибочно записаны в документах как поляки.

Смену национальности приветствовала и белорусская коллаборационная администрация, сотрудники которой пострадали от польских властей и стремились взять реванш, используя сложившуюся политическую ситуацию. Чтобы сменить национальность, граждане должны были подать заявление на имя начальника района, а также подтвердить предоставляемые сведения документально или посредством свидетельств¹¹.

В период оккупации перемещение местных жителей было существенно ограничено. На территории Остланда передвижения были возможны при наличии разрешения, подписанного начальником района. Поездки в Восточную Белоруссию, на территорию зоны оперативного тыла группы армий «Центр», разрешались только чиновникам местной вспомогательной администрации по служебным делам, но были запрещены для гражданских лиц, также как и выезд в округ Белосток и в целом на территорию рейха¹². Запрещалось перемещение граждан вне территории общины без специального разрешения на проезд или малой путёвки.

Разрешения выдавались полевыми и местными комендатурами и пограничной охраной, малые путёвки – комендатурами, немецкими офицерами и сельскими старостами. Разрешения на поездки в немецкую администрацию для оформления разрешений на проезд и малых путёвок выдавались бургомистрами и действовали в течение двух дней¹³.

Решение о прописке граждан в другом населённом пункте принимали начальники районов. Как правило, менять место жительства приходилось сотрудникам коллаборационной администрации и их семьям по причине угрозы со стороны партизан.

Начальники районов санкционировали их временное или постоянное проживание в районных центрах. В ряде случаев санкцию на прописку по новому адресу давали гебитскомиссары, которые могли поручать начальникам районов выяснить, насколько указанные в прошении о переезде обстоятельства соответствуют действительности¹⁴.

Нацистская оккупация, помимо физического уничтожения оккупантами гражданского населения, обернулась резким ухудшением их материального положения. Мизерная зарплата (200–300 руб. для неквалифицированных рабочих, 500–600 руб. для квалифицированных рабочих и служащих) едва позволяла отоваривать продуктовые карточки и оплачивать коммунальные услуги. Исключение составляли сотрудники руко-

* По условиям Рижского мирного договора 1921 г., завершившего Советско-польскую войну 1919–1920 гг., территория Западной Белоруссии отошла к Польше. 14 ноября 1939 г. вошла в состав БССР.

водящего звена городской администрации, которые, помимо более высокой зарплаты, периодически получали повышенные продуктовые пайки.

Продуктовые нормы горожан г. Лепеля в октябре 1942 г. выглядели следующим образом:

Категория	Хлеб г/день	Картофель кг/месяц	Мясо г/месяц	Молоко л/месяц
I	70	5		
II	150	10		
III	180	12	300	
IV	200	14	540	2
V	220	16	640	2

Помимо фиксированных пайков, городская управа изредка могла выдавать дополнительно некоторые виды продуктов исходя из их наличия¹⁵. В городской столовой в апреле 1942 г. готовилось 1000 обедов, осенью того же года – 300 обедов. Согласно калькуляции, на каждое блюдо расходовалось следующее количество продуктов: 360 г картофеля, 180 г брюквы, 25 г муки, 21,6 г мяса¹⁶.

Коллаборационная администрация столкнулась с проблемой обеспечения инвалидов и пенсионеров. Учёт данной категории граждан начался уже осенью 1941 г. В Могилёве регистрация пенсионным подотделом инвалидов и пенсионеров проходила с 6 по 25 ноября 1941 г. По состоянию на 25 ноября 1941 г., в г. Могилёве было зарегистрировано 1388 инвалидов и пенсионеров, 60 инвалидов войны и 61 человек, относящиеся к категории материально необеспеченных, – всего 1509 человек, которым выплачивалась пенсия на сумму 121 088 руб. Некоторые инвалиды и пенсионеры были вынуждены работать или имели работающих членов семьи¹⁷. Приведённые статистические данные пенсионный отдел считал предварительными, отмечая, что ряд граждан проживает в окрестностях города и ещё будет являться в пенсионный отдел, а значит, количество заявлений о пособии вырастет, а многие граждане нуждаются в срочной помощи деньгами и продуктами. Для рассмотрения поступивших от граждан ходатайств предлагалось создать пенсионную комиссию, которая работала бы и после удовлетворения основной массы заявлений, собираясь в дальнейшем 2–3 раза в месяц. Размер пенсий предлагалось установить не ниже довоенного минимума: 25–50 руб. для инвалидов в зависимости от группы: I группа – 50 руб., II группа – 40 руб. и III группа – 25 руб. Для иждивенцев умерших кормильцев предлагалось пособие в 30 руб. на одного иждивенца, 40 руб. при наличии двух иждивенцев и 50 руб. для трёх и более иждивенцев. Рассматривалась возможность выдавать большие по сравнению с обычным пособием суммы лицам, пострадавшим от большевиков¹⁸. В течение февраля 1942 г. пенсионным подотделом

было зарегистрировано ещё 10 иждивенцев (инвалидов I группы – 1 человек, II группы – 1 человек, III группы – 2 человека, три члена семей умерших кормильцев и три получателя пенсии по старости), которым было назначена пенсия на общую сумму 542 руб. К имевшимся ранее поступило ещё 126 заявлений граждан на выдачу пособия; были выданы пособия 598 гражданам, из них: инвалиды труда и войны – 202 человека, семьи умерших кормильцев – 226, пенсионеры по старости – 52, пенсионеры за выслугу лет – 18, материально необеспеченные граждане – 90, лица, получившие пособия на похороны, – 10¹⁹.

На основании приказа по Тереховскому районному управлению от 11 декабря 1941 г. вплоть до издания немецкими властями закона о пенсиях была установлена временная пенсия в размере 40–100 руб. в месяц исходя из имущественного и семейного положения пенсионеров²⁰.

24 марта 1942 г. отдел народного призрения Оршанской городской управы в письме к бургомистру отмечал, что в довоенное время пенсионеры и инвалиды пользовались налоговыми льготами, освобождающими их либо частично, либо полностью от уплаты разных видов налогов, и что военное лихолетье ухудшило положение таких категорий граждан, кроме того, появилось неимоверное количество новых семей, оказавшихся в бедственном положении. К таким семьям отдел народного призрения относил семьи, оставшиеся без мужчин, мобилизованных в Красную армию (с весны 1942 г. и до конца оккупации количество таких семей резко возрастало за счёт мобилизации на работы в Германию. – Е.Г.), семьи, чьё имущество уничтожено пожарами, и др. Отдел народного призрения отмечал, что для таких семей уплата земельной ренты и налога на постройки является непосильным бременем, и просил бургомистра принять решение по данному вопросу²¹.

Сложную ситуацию со снабжением гражданского населения продуктами констатировали и сами немецкие власти. Иногда этот факт использовался в пропагандистских целях, чтобы подчеркнуть, что снабжению продуктами подлежат только те местные жители, чей труд полезен Германии. В письме Пропойской комендатуры начальникам Пропойского и Чериковского районов от 9 июля 1942 г. отмечалось, что проблемы при обеспечении продуктами гражданского населения имеют место и что снабжаются продуктами только зарегистрированные в бюро труда рабочие и служащие, дети до 14 лет, пожилые люди от 60 лет и инвалиды, а также пациенты больниц, воспитанники детских садов и беженцы. Крестьяне должны были обеспечивать себя продуктами самостоятельно, это же касалось и жителей небольших городов²².

В момент отступления советских войск с территории Белоруссии летом 1941 г. население разграбило государственные склады товаров. Поскольку оккупационные власти рассматривали собственность СССР

как принадлежащую ныне германскому государству, разграбление её, пусть даже и в период безвластия, рассматривалось как незаконный акт, и все товары подлежали изъятию. 18 октября 1941 г. начальник Браславской районной полиции издал приказ подчинённым выехать в местечко Слободка и произвести проверку всех местных жителей на предмет наличия товаров с государственных складов. Для мероприятия были откомандированы 40 полицейских, которые проводили обыски в присутствии двух понятых и составляли акт с указанием изъятых предметов²³. Факт разграбления местными жителями складов в период отступления советских войск и до занятия города немецкими подтверждал и бургомистр Бобруйска. 15 августа 1941 г. Бобруйский комендант издал приказ, на основании которого горожане и жители окрестных деревень должны были сдать награбленное назад на склады, однако возвращено было незначительное количество товаров, поэтому в декабре 1941 г. бургомистр просил у коменданта санкции на проведение с целью выявления разграбленных товаров повторных обысков, в которых предполагалось участие представителей немецкой администрации²⁴.

Тотальный дефицит продуктов питания вынудил Борисовскую районную управу обязать бургомистра г. Борисова и начальников городской и районной полиции провести проверки у граждан на предмет наличия излишков продовольствия и, в случае отказа продать их, произвести принудительную закупку по установленным ценам: 100 кг ржи – 26 руб., 100 кг гречки – 40 руб., 100 кг проса – 23 руб., 100 кг картофеля – 6 руб. Декларировалась возможность для этих граждан в дальнейшем приобрести промышленные товары. Как видно, даже владение собственностью отдельными гражданами (а в том, что подобные запасы имели считанные единицы горожан и незначительное число сельских жителей, сомневаться не приходилось) не защищало их от её конфискации, поскольку приведённые цены, по которым местная администрация якобы собиралась выкупать продукты, выглядели просто смешными и даже не камуфлировали акт реквизиции. Предполагалась продажа реквизируемых продуктов по государственным ценам, то есть местная администрация практически собиралась спекулировать ими. Те же 100 кг ржи планировалось продавать населению уже по 123 руб., 100 кг гречихи – по 170 руб., 100 кг проса – по 130 руб. и 100 кг картофеля – по 50 руб.²⁵ Районная администрация объясняла эти меры, во-первых, необходимостью заботы о пропитании необеспеченных граждан, во-вторых, тем фактом, что, по мнению начальника района, запасы у отдельных граждан есть результат грабежей²⁶. По сути, начальник Борисовского района санкционировал грабёж полицией местного населения, и вряд ли полицейские вникали в детали того, каким путём тот или иной гражданин создал запасы продуктов питания.

На территории тыловой зоны группы армий «Центр» в сентябре 1942 г. было распространено распоряжение гебитскомиссара «О мерах пресечения, применяемых по отношению ко всем лицам, нарушающим законный порядок снабжения гражданского населения городов», согласно которому наказанию подлежали лица, сообщавшие властям при распределении продовольственных карточек неверные сведения с целью получения продуктов более положенной нормы. Наказанию подлежали также граждане, занимавшиеся подделкой продуктовых карточек или получавшие продукты сверх установленной нормы. В случае незаконного получения продуктов в особо крупном объёме могла последовать смертная казнь. Наказанию, вплоть до смертной казни, подлежали сотрудники местной администрации, допускаящие нарушения при распределении продовольствия. Утерянные продуктовые карточки не подлежали возобновлению, за исключением случаев, санкционированных местной комендатурой; чиновники, нарушавшие данное распоряжение, подлежали наказанию, причём не только за сам факт нарушения, но даже за попытку обойти существующие правила²⁷. Доступ к продуктам порождал различные злоупотребления. Склады продовольствия и товаров становились объектами воровства²⁸.

В первые месяцы оккупации исключительно тяжёлым стало материальное положение детдомов и других учреждений социального обеспечения. Документы коллаборационной администрации содержат как приукрашенные отчёты, так и документы, в которых показывалась реальная картина. Так, 25 сентября 1941 г. был составлен акт обследования детского дома № 3 г. Бобруйска за подписью школьного инспектора. Чиновник констатировал отсутствие режима дня и питания: «[...] Подъём происходит неорганизованно: часть детей одета, часть поднимается, а несколько лежат на кроватях в верхней одежде. [...] В помещении дети сидят в пальто и шапках, под кроватями целые склады грязной обуви, чулок и белья (спальня девочек). Во дворе возле спальни устроена уборная». Очевидно, имелись проблемы с отоплением (нахождение детей в помещении в верхней одежде) и обеспечении продуктами (в отчёте упоминались походы детей за яблоками)²⁹. Подобная удручающая картина жизни и быта воспитанников детдома наблюдалась уже через несколько месяцев после начала оккупации, и со временем ситуация только ухудшалась. Ужасающие условия повседневной жизни воспитанников детдомов вынуждали их любыми способами добывать пропитание. Некоторые из воспитанников летом покидали детдом и нанимались к крестьянам в качестве пастухов, другие занимались бродяжничеством.

В 1942 г. в ряде городов были организованы детские сады для детей дошкольного возраста. По мнению оккупационных властей, они должны были способствовать воспитанию детей в нужном нацистам духе

ещё с дошкольного возраста, а также освободили бы их родителей для работы, поэтому местной администрации рекомендовалось в первую очередь принимать детей работающих матерей. Последний аргумент являлся преобладающим³⁰.

В бедственном положении оказывались и инвалиды. Так, по состоянию на 1 января 1942 г., в доме инвалидов в дер. Польшковичи (под Могилёвом) среди стариков и инвалидов находилось 16 лежачих больных и слабоумных, которые требовали особого ухода и лечения. Заведующий пенсионным подотделом в письме санитарному отделу констатировал отсутствие обслуживающего персонала, соответственно, лежачие больные и слабоумные оказались без какого-либо ухода³¹.

Помимо постоянной нехватки продуктов питания гражданское население испытывало острый дефицит в промышленных товарах. Некоторые граждане использовали довоенные запасы, кому-то удавалось выменять продукты на соль, спички, керосин, мыло на рынке. Цены на них на чёрном рынке для абсолютного большинства граждан были недоступны, в государственных магазинах купить одежду и обувь было практически невозможно. В такой ситуации некоторые нуждающиеся граждане обращались к руководству районной управы с просьбой оказать помощь товарами (продать со склада по государственной цене либо выдать бесплатно), и таких прошений поступало множество. Промтовары периодически выдавались сотрудникам коллаборационной администрации и полиции, остальное население обеспечивалось некоторыми видами дефицитных товаров очень редко³².

В городах наблюдался постоянный дефицит топлива, поскольку дрова со склада отпускались только предприятиям и учреждениям, выдача дров и угля населению носила спорадический характер, объёмы были мизерными.

Коллаборационная администрация понимала всю глубину социальных проблем. Например, Лепельская районная управа признавала, что заработная плата рабочим и служащим выплачивалась по довоенным ставкам, в то время как цены на продукты и товары увеличились в 5–10 раз. Исключение составляли цены на продукты питания, выдаваемые по карточкам, однако продуктовые нормы вынуждали горожан влачить полуголодное существование³³. Но местные власти имели весьма ограниченные финансовые ресурсы для решения подобной проблемы и обладали столь же ограниченными возможностями для принятия решений. К тому же значительная часть средств уходила на помощь самим же сотрудникам коллаборационной администрации и их семьям, а также поддержку граждан, пострадавших от действий партизан, поскольку лояльность к нацистскому режиму даже мизерной части белорусского общества приходилось щедро оплачивать. В итоге и без того

скудные средства, тратившиеся на социальные нужды, становились ещё меньше, и действительно нуждающиеся категории населения практически не получали помощь. Иногда прошения малоимущих граждан удовлетворяли просто выделением им земельных участков под посевы картофеля, и тем самым решение продовольственной проблемы перекладывалось на них самих.

18 февраля 1942 г. на территории тыловой зоны было издано Временное постановление о налогах, действовавшее до конца оккупации. Подушным (поголовным) налогом облагались все сельские жители в возрасте 15–65 лет. Подушный налог в размере 150 руб. в год уплачивался бургомистру волости, в случае неуплаты начислялась пеня в 10%. Уменьшение или освобождение граждан от уплаты подушного налога допускалось в отдельных обоснованных случаях с разрешения начальника района. От уплаты налога освобождались сотрудники полиции, бывшие полицейские, ставшие нетрудоспособными на службе, вдовы погибших полицейских и сотрудников коллаборационной администрации. Родители этих же категорий граждан могли освобождаться от уплаты налога в случае, если находились на их содержании³⁴.

Летом 1941 г. многие жители Белоруссии сталкивались с реквизицией продуктов питания проходящими немецкими воинскими частями и полицией. В отдельных случаях командиры немецких частей выдавали крестьянам документы о количестве конфискованных продуктов, стоимость которых немецкое командование обещало в будущем компенсировать. В дальнейшем реквизиции стали регулярными, поскольку территория Белоруссии являлась транзитной для немецких войск, направлявшихся на Восточный фронт, кроме того, тут размещались значительные контингенты охранных войск и полиции, боровшиеся с партизанами. В ряде случаев реквизиции проходили в форме обычных грабежей, поэтому крестьянские общины стремились самостоятельно задокументировать эти факты и пытались добиться снижения налогов.

В период советской власти у части граждан были изъяты земля и имущество. Естественно, что с приходом немцев обиженные советской властью граждане апеллировали к местной администрации, требуя вернуть имущество. Следует отметить, что немецкая администрация не очень охотно реагировала на подобные просьбы, рассматривая конфискованное советской властью имущество как принадлежащее в данный момент германскому государству. Немцы явно не хотели создавать прецедент возврата национализированной собственности, прогнозируя в таком случае массовые обращения жителей Западной Белоруссии с подобными просьбами. Оккупационная администрация констатировала, что бывшие кулаки неоднократно обращались в мировые суды с требованием возврата отчуждённого имущества, в первую очередь построек

и приусадебного земельного участка. Специально подчёркивалось, что мировые суды не уполномочены принимать к рассмотрению подобные иски, которые следовало переадресовывать комендантуре или районному агроному³⁵. Оккупационная администрация неоднократно заявляла, что существовавший при советской власти закон о собственности пока не может быть отменён³⁶. Немцев устраивало сложившееся положение вещей, когда национализированная большевиками собственность автоматически стала собственностью Третьего рейха, возвращать которую прежним владельцам немцы не желали.

Первые постановления оккупационных властей, регламентировавшие торговлю, вышли уже осенью 1941 г. В Барановичах торговыми днями являлись понедельник и четверг. Торговцам разрешалось продавать товары, а покупателям платить только ту цену, которая была установлена гебитскомиссаром на конкретный товар. В случае нарушения данного правила наказанию подлежали как продавец, так и покупатель. Запрещалась также обменная торговля³⁷. Торговцам предписывалось товары на полках и в витринах магазинов и на рынках снабжать табличками с указанием цены в марках и рублях, а также единиц измерения. Цены на ряд товаров (мясо и колбасы, хлебобулочные изделия, зерновые и бобовые, кофе, чай, сахар, мармелад, масло, яйца, сыр, картофель) должны были быть оформлены отдельным списком, вывешенным на видном месте. Рестораны, столовые, буфеты должны были размещать цены на еду и напитки на столах, указывая там же повышение цены в результате налогов и обслуживания клиента. Ценники необходимо было выполнять на немецком и белорусском языках³⁸.

В Койданово (ныне г. Дзержинск) с разрешения Минского гебитскомиссара с 5 июля 1942 г. был открыт рынок. Торговля осуществлялась еженедельно по четвергам с 8:00 до 15:00. Можно было продавать птицу, яйца, овощи, рыбу, промышленные товары, художественные изделия. Торговля поросятами разрешалась в изолированном от остальной части рынка месте под надзором ветеринарного врача. Торговый сбор составлял 1,5 марки с воза и 0,5 марки с торгового места за прилавком. Волостным бургомистрам предлагалось оповестить местных жителей об открытии рынка. К торговле допускались граждане, имевшие свидетельства о сдаче государственных поставок³⁹.

Немецкая и местная администрация пытались регулировать цены на товары и услуги. При органах местной администрации могли создаваться специальные комиссии для контроля цен или их контролировал сам глава администрации⁴⁰. Попытки контролировать цены были вызваны признанием оккупационными властями мизерного размера заработной платы и продуктовых пайков для местных жителей. Немецкая администрация была вынуждена гарантировать стабильные цены

на товары первой необходимости, получаемые по карточкам, чтобы не провоцировать массовые выступления и иметь возможность эксплуатировать местную рабочую силу. Однако если в зарегистрированных районной управой учреждениях и организациях цены можно было контролировать, то на рынках это было сделать крайне сложно, здесь процветали спекуляция и, вопреки строжайшим распоряжениям немцев, обменная торговля. Угрозы наказания не помогли. На рынке в Могилёве килограмм ржаной муки стоил 800 руб., ржи – 600 руб., ячменя или гречихи – 400 руб., масла – 400 руб., рыбы – 100 руб., пуд картофеля – 180–200 руб., литр молока – 25–30 руб., десяток яиц – 65–80 руб., живая курица – 120 руб.⁴¹ Иногда государственные цены на некоторые товары повышались решением местной администрации. В Браславском районе с 25 ноября 1941 г. до 2 руб. была поднята цена за килограмм соли как не соответствующая ценам на молоко и жиры. Осенью 1941 г. официально выросли цены на все продовольственные товары: хлеб – с 1,1 до 1,4 руб. за килограмм, рожь – с 0,9 до 1,3 руб., пшеница – с 1,2 до 1,8 руб.⁴²

Несоблюдение правил торговли фиксировалось регулярно. Наиболее распространённым нарушением была обменная торговля. Деньги в период оккупации фактически потеряли свою функцию на рынках, где действовали рыночные механизмы. Несколько больше, чем советские рубли (ими можно было отоваривать продуктовые карточки, уплачивать налоги), котировались немецкие марки. Однако в условиях жёстчайшего дефицита товаров, особенно промышленных, торговцам на рынке было важно не просто продать товар, пусть и по очень высоким ценам, важно было обратить вырученные средства в конкретное материальное воплощение, то есть приобрести необходимую в обиходе продукцию, такую как одежда, керосин, мыло, спички, соль. Поскольку в свободной продаже эти товары отсутствовали, а получить их по карточкам сельское население не могло, обмен дефицитных для горожан продуктов питания на сохранившиеся с довоенных времён промышленные товары был единственной альтернативой. Как эквивалент денег использовалось спиртное.

В городах сформировалась прослойка граждан, для которых спекуляции на чёрном рынке стали обычным занятием. Нередко спекуляцией занимались дети и подростки. В 1942 г. бургомистр г. Борисова запретил торговать на базарах гражданам моложе 16 лет под угрозой конфискации денег и товаров⁴³. Запрет имел целью пресечь втягивание детей и подростков в спекуляции на рынке и их криминализацию.

В период оккупации Белоруссии гражданское население лишь в исключительных случаях могло легально приобретать алкогольную продукцию. Спиртное в коммерческих столовых и закусовых продавалось

редко. Результатом такого дефицита стало, несмотря на строжайший запрет, самогоноварение.

Суровое наказание ожидало лиц, появившихся в нетрезвом виде в общественных местах⁴⁴. Запрет на производство алкоголя гражданами был обусловлен, во-первых, монопольным правом государства на данный вид продукции, во-вторых, самогон изготавливался из зерна, ставшего для Германии в условиях войны стратегическим продуктом. На оккупированных территориях даже часть сельского населения, не говоря уже о горожанах, испытывала нехватку продовольствия, а самогонщики, по мнению властей, лишь увеличивали дефицит зерна. В распоряжении о борьбе с самогоноварением начальника Борисовского района от 26 сентября 1942 г. особо подчёркивается, что самым вредным является самогоноварение из зерновых культур⁴⁵. Активизация самогоноварения происходила после сбора очередного урожая, и местная администрация оперативно реагировала на участвовавшие случаи самогоноварения очередным устрашающим распоряжением. Комендант местечка Корма в своём приказе о запрещении самогоноварения от 12 января 1942 г. констатировал изготовление самогона в больших масштабах и грозил наказанием в виде расстрела⁴⁶. Спекуляция алкогольной продукцией на «чёрном рынке» была обыденной практикой для многих торговцев⁴⁷. Однако несмотря на запреты и угрозы, суровых наказаний со стороны немецкой оккупационной и коллаборационной администрации не следовало, а нередко при попустительстве со стороны последней, самогоноварение на территории оккупированной Белоруссии приобретало значительные масштабы.

Тяжёлое материальное положение вынуждало население Белоруссии искать альтернативные, помимо наёмного труда, источники дохода. Возможно, сказалось и то, что новая власть сняла введённый большевиками запрет на предпринимательство. Уже с осени 1941 г. финансовый отдел Витебской городской управы начал выдачу патентов на занятие ремеслом и торговлей. С 1942 г. этот процесс приобретает массовый характер. Только за февраль 1942 г. было выдано 420 патентов по 29 специальностям, за первое полугодие – 693 патента по 44 специальностям, до конца лета того же года – 754 патента, кроме того, некоторые витебчане занимались предпринимательством нелегально⁴⁸. Население города к августу 1942 г. составляло 33 508 человек⁴⁹. Если учесть, что оккупационные власти рассматривали в качестве трудоспособного 50% населения (около 16 750 человек), предпринимательской деятельностью занималось более 6% активного населения г. Витебска. В 1942 г. в г. Лепеле было зарегистрировано 66 кустарей, некоторые из которых работали при германских воинских частях⁵⁰. На территории Лепельского района работали 93 кустари⁵¹. Желавшие заниматься ремесленной деятельностью

подавали в городскую (районную) управу заявление о выдаче патента, которое зачастую направлялось в полицию для установления политической благонадёжности просителя, после чего глава администрации санкционировал выдачу патента⁵².

Ремесленное производство и частная торговля регулировались распоряжениями немецкой комендатуры на основании изданного 18 февраля 1942 г. властями тыловой зоны группы армий «Центр» «Временного ремесленного порядка». Согласно этому документу, каждый предприниматель получал ремесленную карточку при условии благонадёжности. Местная администрация составляла списки ремесленников города (в них указывались фамилия, имя, адрес мастерской, число работающих членов семьи, учеников). За выдачу патента взималась пошлина в размере 100 руб. в год. Мастерская ремесленника снабжалась табличкой с именем мастера и названием профессии (на немецком и русском языках). Внутри помещения на видном месте закреплялась табличка с тарифами.

Квалификация претендента на ремесленный патент проверялась специальной испытательной комиссией или на собрании ремесленников, созываемом ремесленным отделом городской управы. Немецкий комендант имел право регулировать численность ремесленников по каждой специальности. Временный ремесленный порядок разрешал функционирование ремесленных артелей, существовавших до войны⁵³. Расценки на изделия и услуги ремесленников устанавливались специальной комиссией местной администрации. 22 декабря 1942 г. в г. Витебске были установлены расценки на услуги сапожников, часовщиков, парикмахеров, швей, слесарей, гончаров, фотографов, валяльщиков и шапочников. По распоряжению германских оккупационных властей проводились собрания ремесленников определённых специальностей для выработки общих правил работы и цен⁵⁴.

Торгово-промышленный отдел Лепельской городской управы определял квалификацию кустарей и выдавал патент на право открытия торгово-промышленных предприятий. Предприниматели заключали договор и оплачивали патент в финансовом отделе⁵⁵.

Предпринимательская деятельность не стала постоянным занятием для большинства горожан. Уже осенью 1941 г. финотдел Витебской городской управы фиксировал отказ от патентов некоторых предпринимателей (как правило, по причине выезда в деревню). Многие сдавали патенты в финансовый отдел, потом вновь получали их. Часть предпринимателей прекращала работу из-за неудачно складывающейся рыночной конъюнктуры, невозможности работать по причине боевых действий, перехода на работу на предприятия и в учреждения. На сентябрь 1942 г. в Витебске сдали патент 331 предприниматель, то есть почти половина получивших его в этом году⁵⁶. Некоторые граждане совмещали предпринимательство

с работой в государственных учреждениях и на предприятиях. Доходы большинства предпринимателей были невысокими и вполне сопоставимы с низкой заработной платой рабочих и служащих.

Наряду с зарегистрированными предпринимателями многие граждане работали нелегально. В 1942 г. 40 ремесленников-кузнецов Тереховского района не уплатили налог на занятие ремеслом и были оштрафованы⁵⁷. Работа кустарей, не имеющих патента, создавала конкуренцию зарегистрированным ремесленникам, платившим налоги, чьи цены, соответственно, были выше, тогда как мастера, работавшие без патента, могли снижать их. В Тереховском районе к марту 1942 г. 11 кустарей возвратили патенты, поскольку их соседи работали без таковых⁵⁸. Многие предприниматели, работающие легально, часто подвергались санкциям со стороны финансового отдела администрации за нарушение правил работы. Самое распространённое нарушение – несвоевременная подача или непредоставление налоговой декларации⁵⁹.

Актуальная в Белоруссии в предвоенный период жилищная проблема исключительно обострилась в период нацистской оккупации. Во-первых, в ходе оборонительных боёв лета 1941 г. многие населённые пункты были значительно разрушены, часть жилого фонда была уничтожена или находилась в аварийном состоянии. Наблюдавшийся в первые месяцы войны отток городского населения (попытка эвакуироваться на восток, переждать боевые действия в сельской местности) сменился возвращением части горожан и притоком в Белоруссию жителей из других регионов. Например, число жителей в Могилёве на 8 сентября 1941 г. составляло 46 361 человек, через месяц, 1 октября 1941 г. оно увеличилось до 47 048 человек⁶⁰. Во-вторых, очень многие здания (как административные, так и жилые) были заняты расквартированными в городах частями вермахта, что вынуждало горожан, и без того проживавших в стеснённых условиях, ещё более уплотняться.

В результате возникала проблема самовольного вселения граждан в дома и квартиры, оставленные прежними жильцами, поэтому уже в первые недели оккупации органы коллаборационной администрации издавали распоряжения, направленные против самовольного захвата жилплощади. Приказ Могилёвского городского управления от 29 августа 1941 г. предусматривал штраф в 200 руб. за самовольный захват жилья и от 25 до 100 руб. – за отсутствие прописки или несвоевременную прописку⁶¹. Несмотря на это, уже осенью 1941 г. сотрудники жилотдела и полиции неоднократно выявляли лиц, вселившихся незаконно⁶². Проблема самовольного вселения граждан в пустующие жилые помещения решалась городской администрацией по-разному. Некоторые граждане стремились легализовать занятую жилплощадь путём получения ордера: они обращались к городским управам с просьбой выдать ордер

на занимаемую жилплощадь, приводя различные аргументы в пользу своего проживания. Например, гражданка, занявшая осенью 1941 г. пустующую еврейскую квартиру в г. Речице, просила городское управление выдать ей ордер, поскольку она фактически вносила коммунальную плату и не имела другого жилья⁶³.

Частично жилищная проблема решалась за счёт переселяемых в гетто евреев. Освободившееся жильё распределялось местной администрацией среди нуждающихся. В конце 1941 г. в Могилёве была создана комиссия по продаже домов, принадлежавших евреям и коммунистам. Бургомистр предписывал комиссии продавать дома в первую очередь погорельцам, гражданам, высланным из своих домов по распоряжению германского командования, лицам, у которых дома были реквизированы советской властью и проданы евреям, а также гражданам, которые занимали эти дома⁶⁴. Бывшие еврейские дома становились объектами притязаний граждан и в сельской местности, хотя здесь жилищная проблема и не стояла так остро, как в городах. Наряду с погорельцами на пустующие дома претендовали граждане, вернувшиеся из ссылки, эмиграции, а также лица, переехавшие из городов в сельскую местность⁶⁵.

Бесхозные постройки коллаборационная администрация рассматривала как коммунальную собственность и распоряжалась ими по собственному усмотрению. В бесхозное жильё расселялись нуждающиеся в жилплощади граждане и постоянно прибывающие беженцы. Однако удовлетворить всех нуждающихся в жилье было невозможно, поэтому реалиями повседневности стали подселение на частные квартиры, уплотнение жильцов, расквартирование в гражданских квартирах военнослужащих вермахта или выселение в связи с этим гражданских лиц.

С установлением оккупационного режима возникла проблема собственности на жилплощадь, национализированную советской властью. Местная администрация уже осенью 1941 г. стала получать прошения от граждан, требовавших вернуть жильё, принадлежавшее им или их родственникам, репрессированным советской властью. Одни ссылались на акты о национализации собственности, другие и без наличия таковых требовали возврата своего имущества. Коллаборационная администрация была на стороне бывших владельцев. Начальник Вилейского района 25 марта 1942 г. обратился с просьбой к Вилейскому гебиткомиссару с просьбой вернуть национализированные дома их бывшим владельцам, если их площадь не превышает 113 м². Отмечалось, что большевиками были национализированы дома граждан, сосланных в Сибирь или бежавших с приходом советской власти, в результате чего в муниципальной собственности находится множество небольших домов, выстроенных лично на заработанные средства⁶⁶. С подобной инициативой выступало и Могилёвское городское управление, поскольку

в случае положительного решения многие дома были бы переданы с баланса администрации⁶⁷. На домах, отведённых под нужды германской армии, вывешивались специальные объявления, в которых также содержалась угроза наказания за повреждение этих помещений⁶⁸. Аналогичным образом маркировались и квартиры местного населения, куда воспрещался доступ солдатам вермахта⁶⁹.

От жильцов ведомственных или бесхозных домов местные власти требовали соблюдать чистоту и порядок в квартирах и местах общего пользования: кухнях, коридорах, уборных, дворах. В квартирах запрещалось пилить и колоть дрова, разбирать печи, расчищать стекло, двери. В Орше за первое нарушение подобного рода полагался штраф до 100 руб., при вторичном нарушении – выселение из квартиры⁷⁰.

В связи с потенциальной опасностью бомбардировок горожане под угрозой штрафа были обязаны соблюдать светомаскировку. Однако это распоряжение оккупационной администрации не всегда выполнялось. 20–27 января 1942 г. по приказу Могилёвского городского управления за несоблюдение правил светомаскировки были приговорены к штрафу в 100 руб. 33 гражданина⁷¹.

В период оккупации гражданское население испытывало острую нехватку строительных материалов. Часть предприятий строительной отрасли прекратила работу, другие обеспечивали в первую очередь коммунальные объекты, вермахт. Для выделения жителям стройматериалов требовалось аргументированное ходатайство, подписанное представителем низового звена коллаборационной администрации. Несколько проще дело обстояло с получением лесоматериалов: необходимо было предоставить в надлесничество документ, заверенный старостой, что данный гражданин нуждается в определённом количестве леса для произведения постройки⁷². Сложнее было достать продукцию строительных предприятий, в которой нуждалась оккупационная администрация. Летом 1942 г. Слуцкий гебитскомиссар издал распоряжение, согласно которому все каменные стройматериалы (кирпич, черепица, плитка), а также известь подлежали реквизиции, и выдавать их гражданам с предприятий можно было только с разрешения хозяйственного отдела гебитскомиссариата⁷³. В условиях тотального дефицита стройматериалов и топлива бесхозные постройки становились объектом посягательства местного населения. Разбор домов приобретал всё большие масштабы, и коллаборационная администрация не могла пресечь этот процесс⁷⁴. Даже угроза сурового наказания за нанесение ущерба постройкам не останавливала местных жителей, отчаянно нуждавшихся в топливе и стройматериалах.

Для строительства новых домов требовалось специальное разрешение, но это зачастую игнорировалось населением, особенно в первый пе-

риод оккупации. Начальник Лунинецкого района Пинского округа в октябре 1941 г., в связи с массовой незаконной застройкой в городах и сёлах, превращающейся в неконтролируемый хаотичный процесс с несоблюдением правил технологии и противопожарной безопасности, запретил с 1 ноября 1941 г. всякое строительство без разрешения волостного или городского управлений. Возведение новых построек разрешалось в этом регионе на основании правил, существовавших в Польше до 1939 г. На постройки, возведённые до издания данного распоряжения, разрешение могло быть выдано только в том случае, если постройка соответствовала вышеуказанным правилам, в противном случае её владелец был обязан внести соответствующие изменения. Проекты зданий высотой в два этажа и более, а также строящихся вдоль центральных улиц, необходимо было представлять для утверждения непосредственно начальнику района⁷⁵.

Распоряжение оставалось пустым звуком, и уже в июле 1942 г. начальник Лунинецкого района констатировал, что в деревнях в последнее время начато строительство новых жилых домов без соответствующего разрешения, и требовал от волостной администрации заморозить строительство, а от владельцев – легализовать постройки. Для получения разрешения было необходимо представить в районную управу план постройки в масштабе 1:100, план усадьбы и сведения о наличии мастеров, рабочих и тягловой силы⁷⁶. Разрешение требовалось даже в случае отстройки сгоревшего дома на своей же земле⁷⁷.

Рост коммунальных платежей ложился непосильным бременем на обнищавшее городское население. Органы местной администрации были буквально завалены прошениями граждан относительно уменьшения либо отмены квартплаты. Помимо традиционной причины – крайне бедственного материального положения, – приводились и иные аргументы, которые, по мнению просителя, могут быть приняты во внимание оккупационной властью. Так, в заявлении от 2 января 1942 г. в жилищное управление Речицкого городского управления гражданка написала, что является неработающей матерью-одиночкой; другая просила освободить её от ежемесячной квартплаты в 30 руб., потому что «муж арестован советской властью за политику». Как правило, на подобные прошения накладывалась резолюция «обследовать имущественное положение», в результате чего квартплата могла быть снижена либо отменена на определенное время (один-два месяца).

О росте коммунальных платежей свидетельствует обращение гражданки к начальнику жилищного управления Речицкого городского управления от 16 декабря 1941 г.: она просит снизить квартплату за комнату, за которую ранее платила 2 руб., а теперь 15 руб.⁷⁸ В отличие от довоенного времени в Могилёве были введены фиксированные ставки квартплаты

в размере 2 руб. за м² (до войны в зависимости от удобств квартиры и доходов жильца ставки колебались от 3 коп. до 1,32 руб. за м²)⁷⁹.

В период оккупации было введено обязательное страхование построек. Согласно предварительному распоряжению германского командования от 18 февраля 1942 г. «О налогах и сборах» на территории тыловой зоны «Центр», также вводилась система обязательного страхования строений. Страхованию подлежали постройки частных лиц, сельских общин, волостных управлений; страховая сумма составляла 1% от страховой стоимости зданий, при неуплате в срок платежи взыскивались в принудительном порядке с изъятием и реализацией части имущества и начислением 10% штрафа за просрочку платежа⁸⁰. На территории генерального округа «Белорутения» страхованию подлежали все постройки, за исключением фабричных и принадлежащих военным властям. Страховка начислялась из расчёта 1–2 марки от каждого 100 марок страховой стоимости плюс гербовый сбор в размере 5% от суммы страховки, оценочная стоимость рассчитывалась на основании польских оценочных реестров 1939 г.⁸¹.

В конце 1941 – начале 1942 г. городское коммунальное хозяйство было в основном восстановлено. В крупных городах заработали электростанции. Электроэнергией в первую очередь обеспечивались подразделения оккупационной администрации, части вермахта, предприятия и учреждения. Гражданское население получало электроэнергию по остаточному принципу. В ноябре 1941 г. был издан приказ бургомистра Бобруйска, согласно которому все горожане, пользующиеся электроэнергией, должны были зарегистрироваться в абонентном отделе городской управы. Получившим разрешение выдавались специальные удостоверения. Жителям, которые использовали электросеть без санкции управления техническими предприятиями, угрожал штраф в размере 100 руб. Категорически воспрещалось пользоваться электрическими и нагревательными приборами под угрозой штрафа в 300 руб. Суммарная мощность всех источников потребления электроэнергии в одной квартире не должна была превышать 100 Вт. В случае несоблюдения этой нормы виновные должны были оплатить электроэнергию в 5-кратном размере считая с 1 августа 1941 г.

Уцелевшие электростанции работали с перебоями из-за дефицита топлива, привозного угля или торфа, добыча которого была проблематична весь период оккупации. В Барановичах уже осенью 1941 г., согласно изданному распоряжению, вводился временной запрет (с 19:00 до 6:00) на использование электричества гражданским населением в связи с острым дефицитом угля на электростанции⁸². Запретное время практически совпадало с комендантским часом. 24 ноября 1941 г. вышло распоряжение Барановичского гебитскомиссара, на основании кото-

рого запрещалось пользоваться электроэнергией без счётчика, а также начиная с 1 декабря 1941 г. для граждан вводился лимит потребляемой электроэнергии: для владельцев одной комнаты – 5 киловатт в месяц, двух – 7, трёх – 9, четырёх и более – 10. В случае превышения лимита нарушитель уплачивал за каждый киловатт в десятикратном размере⁸³.

В 1941 г. в Могилёве были установлены новые тарифы на электроэнергию по группам потребителей. Парикмахерские, кинотеатры, театры, цирки и гостиницы платили 1,1 руб. за кВт/час, то есть столько же, сколько до войны; конторы, госучреждения, учебные заведения – 0,5 руб. (до войны – 0,41 руб.); торговые учреждения – 1,65 руб. (как и до войны); частные абоненты – 1,7 руб. (до войны – 0,25 руб.); тарифы для промышленных предприятий остались практически на довоенном уровне. Рост тарифов на электроэнергию для учреждений и организаций был минимальный, однако для частных лиц тарифы возросли более чем в 6 раз⁸⁴. 27 августа 1941 г. Могилёвское городское управление установило расценки на различные виды топлива: дрова отпускались гражданам по цене от 15 до 24 руб. за кубометр, каменный уголь стоил 10–60 руб. за тонну, торф – 17–32 руб. за тонну⁸⁵.

С осени 1941 г. заработал городской Водоканал, была возобновлена подача воды предприятиям и гражданам. Решением бургомистра от 17 октября 1941 г. была введена плата за пользование водой и установлены тарифы. Оплата взималась за получение воды из всех источников, за исключением вырытых колодцев и открытых водоёмов. Стоимость кубометра воды устанавливалась в размере 0,7 руб., её очистки в канализированных домах – 1 руб. Государственные учреждения, предприятия, кустарные предприятия и частные лица были обязаны приобрести за наличный расчёт абонементные книжки. В случае неуплаты в отношении частных лиц предусматривалось отключение подачи воды без предупреждения⁸⁶.

Ежемесячная плата за воду по тарифам Водоканала выглядела следующим образом: в домах канализированных с горячим отоплением – 4,2 руб., в таких же домах без горячего отопления – 1,9 руб., в неканализированных – 1,26 руб.; пользование водой из уличных водозаборов – 0,84 руб., вода для домашнего скота – 0,10–2,1 руб.⁸⁷.

Вряде городов было восстановлено радиовещание. Все радиоприёмники подлежали обязательной сдаче (это практиковалось оккупационными властями по всей Белоруссии для предотвращения получения информации с неоккупированной территории СССР), взамен желающие могли установить стационарные радиоточки. На 22 февраля 1942 г. насчитывался 271 абонент Браславского радиоузла⁸⁸. Заявки на установку радиоточек подавали учреждения и организации, финотдел, пожарная охрана, больница, электростанция, а также граждане⁸⁹.

В первые месяцы оккупации возобновилась работа некоторых медицинских учреждений. Однако не хватало помещений, медикаментов, медработников. Последнее обстоятельство вынуждало оккупационные власти использовать в гражданских больницах и амбулаториях медработников из числа военнопленных и евреев. Относительно частной медицинской практики у оккупационной администрации не было единого подхода. В одних административно-территориальных единицах она существовала, в других – не разрешалась. Очевидно, разрешение частной медицинской практики было связано с наличием или дефицитом медицинских кадров в конкретном регионе.

Медицинские услуги в основном были платными. В подписанной врачом фельдкомендатуры и начальником медико-санитарного отдела Могилёвского городского управления «Таксе для врачей и больниц» от 5 февраля 1942 г. отмечалось, что ни один больной не должен получать медицинскую помощь бесплатно, за исключением крайне опасных для жизни или инфекционных заболеваний. Бесплатная медицинская помощь могла предоставляться также бедным гражданам при наличии соответствующего удостоверения⁹⁰. В Могилёве оплата за лечение в городских больницах устанавливалась в размере 12,5 руб., в больницах за пределами города – 8,1 руб. В сумму входили врачебные услуги, уход, медикаменты и перевязочный материал.

Тарификация основных медицинских услуг выглядела следующим образом. Первый приём врачом в амбулатории или у себя на дому – 5 руб., последующий приём – 3 руб. Первое посещение врачом больного на дому – 8–10 руб., последующее – 6–8 руб., осмотр врачом-специалистом – 10 руб., процедуры – 2–5 руб., услуги акушерки при родах – 25 руб., проведение анализов – 5–15 руб., операции – 10–30 руб., услуги стоматолога – 5–35 руб., рентген – 20–30 руб. При посещении больного на дому ночью взималась двойная оплата. Использование врачом собственного экипажа оплачивалось дополнительно по тарифам, принятым в данном районе. Время, потраченное врачом на дорогу, стоило 1 руб. за пройденный километр, а ночью – вдвое больше⁹¹.

Лица, страдающие опасными заразными заболеваниями (тиф, бешенство, туберкулёз, венерические инфекции, скарлатина), подлежали обязательной госпитализации, в случае отказа они подвергались принудительному лечению. Врачам запрещалось лечить больных венерическими заболеваниями в амбулаториях: такие пациенты подлежали стационарному лечению. В случае обнаружения местным врачом указанных заболеваний или появления подозрения предписывалось в течение 24 часов сообщить об этом районному врачу, провести обязательный осмотр заболевшего, привлекая при необходимости полицию, а также организовать дезинфекцию помещения⁹². В Гомельском округе

за отказ инфекционных больных (заболевшие сыпным или брюшным тифом, дизентерией, дифтерией и скарлатиной) от госпитализации был установлен штраф до 1000 руб. Диагностирование и лечение инфекционных больных было бесплатным⁹³.

Ситуация в сфере здравоохранения видна из отчёта по Бобруйскому городскому отделу здравоохранения за февраль 1942 г. Девять женщин лечились от гонореи в стационаре, 15 мужчин – амбулаторно, от сифилиса лечилось 23 человека (один в стационаре, 22 амбулаторно). В течение месяца за зубоврачебной помощью обратилось 1085 человек, в зубной амбулатории имелось четыре стоматологических кресла, работало пять стоматологов. В городе также имелась зубопротезная мастерская, обслуживавшая военнослужащих германской армии и гражданское население. Свыше 2500 человек обращались за помощью в амбулатории, куда дополнительно были направлены врачи (двое из числа военнопленных). Санитарное состояние Бобруйска оценивалось санитарным врачом как неудовлетворительное из-за переполнявших его нечистот и мусора, и очистку города в марте санитарный врач считал насущной задачей. Вспышки заболеваний сыпным тифом наблюдались в первую очередь среди эвакуированного из Смоленской области гражданского населения. Общежитие эвакуированных было подвергнуто карантину, заболевшие госпитализированы. Эвакуированные расценивались как главная угроза для здоровья местного населения, поэтому санитарный отдел дал указание бирже труда на период карантина не отправлять их на работы. Локализации эпидемических заболеваний препятствовало отсутствие сыворотки против брюшного тифа и дифтерии, а также вакцины оспы для инъекций хотя бы новорождённым⁹⁴.

Действительно, санитарно-эпидемическая ситуация на оккупированной территории была исключительно сложной. Мизерный рацион, дефицит медицинских работников и медикаментов, плохие жилищные условия, перебои в работе коммунальных служб стимулировали рост эпидемических заболеваний, в первую очередь тифа. Имевшиеся в городах бани не удовлетворяли потребностей горожан. Учитывая дефицит и цены на топливо, помывка в холодных домах и квартирах для горожан была не очень приятной процедурой. Дефицитным товаром было мыло, поэтому баня оставалась для многих единственно возможным способом поддержания гигиены, борьбы с традиционным спутником военного лихолетья – вшами, создававшими угрозу распространения эпидемий. Возле городских бань стояли очереди, дезинсекционные станции постоянно обслуживали солдат вермахта, и гражданское население не могло пройти обезвшивливание⁹⁵.

Оккупационные власти хорошо осознавали, что рост эпидемических заболеваний среди гражданского населения неминуемо затронет

дислоцированные в Белоруссии подразделения вермахта, полиции, а также чиновников оккупационной администрации, поэтому санитарные мероприятия проводились довольно интенсивно. На территории тыловой зоны санитарное законодательство было введено уже осенью 1941 г. К октябрю 1941 г. Временное управление Бобруйска дважды издавало распоряжение относительно выделения вещей со складов в магазины для последующей продажи только после предварительной дезинфекции, проводимой санитарным отделом. Данная практика, по мнению городского головы, должна была препятствовать распространению вещей⁹⁶. Уже в 1941 г. бургомистр Бобруйска предоставил санитарному врачу право налагать штраф за нарушение санитарных правил в размере 5–20 марок⁹⁷. 1 марта 1942 г. Бобруйское городское управление издало постановление об обязательной дезинфекции общежитий, детских учреждений, кинотеатров, предприятий пищевой промышленности, источников воды, мест содержания скота. Требовалось производить санобработку в общежитиях два раза в месяц, в школах, банях, душевых установках, кинотеатрах – четыре раза в месяц; хлорирование предприятий пищевой промышленности, водохранилищ – ежедневно, других предприятий – через день⁹⁸.

6 февраля 1942 г. вышло распоряжение Барановичского гебитскомиссара относительно обезвшивливания населения. В нём отмечалось, что вши являются переносчиками сыпного тифа, который ежегодно уносит множество жизней граждан. Поэтому все граждане, у которых обнаружат вшей, после проверки санитарной комиссией под руководством немецкого дезинфектора будут отправлены на обработку в Барановичи, а их дома – дезинфицированы. Отправляемые на обработку должны были взять с собой бельё и одежду. Прошедшим обработку выдавалось специальное свидетельство. В случае обнаружения в домах вшей, блох и иных насекомых-паразитов, граждане обязаны были сообщать об этом немецкому дезинфектору в окружном комиссариате или окружному отделу здравоохранения. За уклонение от дезинфекции предусматривалось наказание, приём на постой лиц, не прошедших дезинфекцию, был запрещён⁹⁹.

Воззвание к населению за подписью Новогрудского гебитскомиссара и окружного врача под заголовком «Берегите своё здоровье» содержали советы, как уберечься от брюшного тифа и дизентерии, которые распространялись среди жителей округа. Рекомендовалось не употреблять сырую воду и молоко, не брать воду из колодцев, которыми пользуются жители домов, где есть заболевшие, поддерживать чистоту тела, мыть посуду горячей водой, соблюдать карантинные мероприятия и, что было симптоматично, не обращаться за помощью к «знахарям, бабкам, шептунам», а слушаться советов врачей¹⁰⁰.

7 мая и 10 сентября 1942 г. санитарный офицер Осиповичской комендатуры издал распоряжение, регламентирующее порядок госпитализации инфекционных больных. После госпитализации больного в инфекционное отделение его требовалось вымыть в тёплой воде, снабдить чистым бельём; после помывки помещение дезинфицировалось. Жители дома, из которого поступил заболевший, подвергались дезинфекции и трёхнедельному карантину. Бургомистрам под угрозой штрафа предписывалось снабжать такие дома соответствующими надписями. Палаты и инфекционные бараки должны были снабжаться ёмкостями с водой для мытья рук и дезинфицирующими средствами, дважды в день промываться горячей водой. Медперсонал обязан был менять халаты после посещения заразных больных, право посещения таких больных имело лишь ограниченное число медработников, само помещение закрывалось на ключ и снабжалось при входе надписями на немецком и русском языках¹⁰¹.

В 1942 г. за подписью начальника Добрушского района вышло «Обязательное постановление Добрушского городского и районного управления по борьбе с эпидемией среди гражданского населения». В нём содержались типичные санитарные требования относительно утилизации отходов, запрещалось отводить стоки воды в водоёмы, используемые для питья, приготовления еды или стирки белья, маркировать колодцы и водоёмы с непригодной для питья водой. С целью предупреждения сыпного тифа населению рекомендовалось регулярно ходить в баню или мыться дома. Ответственность за выполнение данного распоряжения возлагалась на волостных бургомистров¹⁰².

Ввиду нехватки сотрудников коммунальных служб, к уборке города привлекалось население. Каждый домовладелец, сотрудники любого предприятия или учреждения были обязаны ежедневно очищать дворы, тротуар и прилегающую проезжую часть. Данная повинность была распространена на всей территории оккупированной Белоруссии, и население повсеместно от неё регулярно уклонялось, за что городское управление периодически штрафовало наиболее злостных нарушителей¹⁰³.

Коммунальные службы регулярно отмечали сложное санитарное состояние в городах (причины: недостаток дворников, нежелание или отсутствие у горожан, занятых добыванием пропитания, времени на уборку), издавали бесконечные распоряжения, предписывающие домовладельцам и руководителям предприятий и учреждений производить уборку улиц и дворов. Активизация мероприятий по уборке обычно происходила весной. Тем не менее многочисленные распоряжения местной администрации не давали особого эффекта: санитарное состояние городов весь период оккупации оставалось сложным, что приводило к росту эпидемических заболеваний. Не помогали и угрозы штрафов.

В принятом в Чечерском районе в ноябре 1941 г. «Перечне проступков и взысканий по ним» плохое содержание дворов, улиц и помещений каралось штрафом до 500 руб.¹⁰⁴. Бургомистр г. Добруша в приказе от 22 апреля 1942 г. констатировал, что приказ начальника района об очистке территории города практически не выполняется, и предписывал штрафовать домовладельцев, уклоняющихся от уборки улиц и дворов от мусора, на 300–500 руб.¹⁰⁵.

Весной 1942 г. на местах прошедших боёв ещё находилось большое количество непогребённых трупов солдат, что с наступлением тепла угрожало распространением эпидемии. Бургомистр г. Борисова поручил полиции организовать местных жителей для погребения трупов, которые требовалось закапывать на глубину 2,5 м¹⁰⁶. Городские власти Бобруйска констатировали случаи складирования отходов и нечистот в неустановленных местах. Ассенизационный обоз, мясокомбинат и воинские части часто выгружали их на пустыри вблизи домов, что могло спровоцировать распространение заразных заболеваний с наступлением весны. В связи с этим комендант Бобруйска в своём приказе 27 февраля 1942 г. определял разрешённые для свалок участки и вменял в обязанности начальнику конного транспорта, мясокомбинату и всем другим организациям вывезти мусор в установленные места¹⁰⁷.

Для предотвращения эпидемии вводились карантинные мероприятия. 13 января 1942 г. запрет на скопление людей перед магазинами и в других общественных местах из-за угрозы распространения сыпного тифа издал Барановичский гегитскомиссар¹⁰⁸. 28 января 1942 г. начальник Клецкого района ещё раз подтвердил запрет на собрания граждан как превентивную меру против тифа, приказав волостным бургомистрам использовать для их разгона полицию¹⁰⁹. Распоряжением начальника Браславского района и районного врача от 12 января 1942 г. в качестве карантинной меры против распространения сыпного тифа впредь до особого распоряжения были запрещены богослужения во всех храмах¹¹⁰. В связи с начавшейся в Латвии эпидемией тифа жителям Браславского района с 9 января 1942 г. был запрещён въезд на территорию Латвии¹¹¹.

Эпидемии тифа часто вспыхивали в местах скопления беженцев. Огромные массы гражданского населения, принудительно перемещаемые оккупантами из прифронтовых районов или партизанских зон, продолжительное время находились в антисанитарных условиях, без какой-либо медицинской помощи. В результате к моменту расселения их на новом месте многие оказывались источником возбудителей заразных заболеваний, угрожавших перекинуться и на местное население, поскольку беженцев, как правило, расселяли в домах местных жителей. Тем не менее оккупационным властям удавалось в лучшем случае несколько сдерживать рост эпидемических заболеваний, которые продолжали уносить жизни гражданского населения.

Вынужденное внимание немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации к ветеринарным мероприятиям явилось следствием резкого падения поголовья скота на оккупированной территории Белоруссии. Испытывающие острый дефицит в тягловой силе и заинтересованные в регулярных поставках мяса для нужд вермахта, оккупационные власти пытались уберечь постоянно сокращающееся поголовье скота от эпидемических заболеваний.

Воссозданная в 1941 г. ветеринарная служба вела постоянный мониторинг эпизоотической ситуации. В рамках профилактических мероприятий периодически проводилась вакцинация домашнего скота. С осени 1941 г. и на протяжении всего периода оккупации неоднократно издавались распоряжения относительно содержания собак: в целях профилактики бешенства владельцам собак предписывалось держать их (а в некоторых случаях и котов!) на привязи. Полиция имела распоряжение отстреливать свободно бегающих животных; немедленному уничтожению подлежали также животные, больные бешенством, и животные с подозрением на это заболевание¹¹².

С целью предотвращения эпизоотии среди домашнего скота ветеринарные службы коллаборационной администрации проводили карантинные мероприятия, которые могли охватывать как целые районы, пострадавшие от эпизоотии, так и отдельные деревни или дворы. Например, согласно приказу Могилёвского городского управления от 20 февраля 1942 г., в целях предотвращения распространения ящура дворы двух жителей были подвергнуты карантину. Карантинные мероприятия предусматривали ограничение доступа во дворы посторонних лиц и животных, восприимчивых к эпидемии. Граждане, ухаживающие за животными, должны были иметь отдельные галоши и халат, обязательно дезинфицировать руки и обувь. Дезинфекционные средства размещались при входе во двор и в помещениях, где находился больной скот. Молодняк содержался изолированно от остального скота. Молоко и сливки, полученные от заражённых животных, разрешалось использовать после термической обработки только внутри хозяйства в пищу людям и скоту. Хозяева заражённых животных получали предписания, как заботиться о них. Больных животных необходимо было ежедневно обеспечивать чистой подстилкой, достаточным количеством чистой воды и специальным питанием (болтушка из отрубей и сена). Скотный двор, загоны и предметы ухода необходимо было ежедневно очищать и раз в три дня дезинфицировать 2%-ным раствором едкого натрия, поилки и кормушки обрабатывались 3–5%-ным раствором бельевой соды¹¹³. Согласно распоряжению Могилёвского бургомистра, начальнику городской полиции 26 мая 1942 г. предписывалось установить два заградительных поста во избежание проникновения в город животных, больных ящуром¹¹⁴.

Многие граждане не могли обращаться в ветеринарные службы из-за высокой стоимости услуг. В качестве иллюстрации можно привести расценки на ветеринарные услуги в Гомельском округе, утверждённые на период с 1 сентября 1941 г. по 1 января 1942 г. Например, первичный приём ветеринаром крупного рогатого скота и лошадей стоил 15 руб., повторный – 5 руб., мелкого рогатого скота и свиней – 10 и 2 руб., птиц и кроликов – 3 и 1 руб., собак и кошек – 10 и 2 руб. соответственно; вызов на дом ветеринара к животным всех видов стоил 30 руб., экспертиза на предмет определения трудоспособности – 25 руб. (на дому – 50 руб.); кастрация – 10–30 руб. (на дому – 15–50 руб.); туберкулинизация и маллеинизация* – 5 руб.¹¹⁵ В результате гибель домашних животных не была редкостью.

В период нацистской оккупации регламентировалось содержание домашних животных. Владельцы домашнего скота были обязаны зарегистрировать его в органах местной администрации. Регистрация лошадей имела целью получить представление о количестве тягловой силы, поэтому уклонение от нее рассматривалось как серьёзное преступление. В Барановичах гражданам, не зарегистрировавшим своих лошадей до 1 января 1942 г., бургомистр угрожал штрафом до 2000 руб. и конфискацией лошадей¹¹⁶.

Осенью 1941 г. немецкая оккупационная и коллаборационная администрации приняли первые постановления о порядке содержания скота, которые в дальнейшем дополнялись. Полоцкая районная управа потребовала от бургомистров собрать весь бесхозный скот и скот, выданный гражданам под охранные расписки (во время эвакуации органов советской власти часть колхозного скота передавалась гражданам)¹¹⁷. Руководителям хозяйств предписывалось сдать на базу всех непригодных лошадей¹¹⁸. У граждан имелся также скот, купленный у евреев перед их отправкой в гетто. Такой скот рассматривался немецкими властями как незаконно приобретённый, а его владельцы – как временные держатели, у которых его могли забрать при первой же необходимости (выполнение очередных мясоставок, наделение скотом лиц, лояльных оккупационной администрации). В г. Бобруйске в марте 1942 г. были зафиксированы 31 житель, имевшие, по мнению управы, незаконно приобретённый скот¹¹⁹.

Самовольный убой домашних животных категорически воспрещался, о чём немцы неоднократно напоминали коллаборационной администрации. Тем не менее распоряжения администрации, запрещающие убой скота, не выполнялись. Весной 1942 г. Полоцкая районная управа констатировала подобные факты, в очередной раз угрожая

*Диагностическая проба с целью выявления сапа.

гражданам изъятием у них скота, как личного, так и переданного в пользование¹²⁰. В марте 1942 г. районная управа потребовала от агронома Экиманской волости предоставить списки граждан, которые забилы телят, родившихся в 1942 г., и списки граждан, выращивающих телят¹²¹.

В интересах оккупационной администрации было поддержание поголовья лошадей на уровне, необходимом для удовлетворения нужд местной экономики. Спрос на тягловую силу возрастал пропорционально уменьшению конского поголовья. В лошадях отчаянно нуждались крестьяне, промышленные предприятия, часть животных передавалась владельцами добровольно или конфисковывалась партизанами. Лошади также регулярно реквизировались вермахтом. Всё это приводило к постоянному снижению конского поголовья. Чтобы хоть как-то минимизировать последствия вышеуказанных факторов, оккупационные власти, помимо запретов на самовольный убой, практиковали замену лошадей. Были запрещены убой или эксплуатация на работах племенных производителей¹²².

Реквизиция скота вермахтом могла производиться как официально, то есть в плановом порядке с санкции командования, так и произвольно, в виде банального мародёрства со стороны отдельных немецких военнослужащих. При официальной реквизиции командиры воинских частей могли выдавать квитанции на забранный скот, обещая позднее выплату компенсации немецкими властями, чего практически никогда не происходило. Чтобы минимизировать последствия очередной реквизиции лошадей вермахтом (сложилась диспропорция количества лошадей в различных общинах), Городокское районное земельное управление 27 февраля 1942 г. приказало перераспределить тягловую силу между общинами и волостями, передав безвозвратно лошадей из более обеспеченных общин и волостей нуждающимся¹²³.

Значительное количество безлошадных хозяйств породило практику закрепления лошади за несколькими хозяйствами одновременно, что приводило к злоупотреблениям. Часто крестьяне-владельцы или держатели общинных лошадей отказывались предоставлять тягловую силу односельчанам, которые не могли обработать свои наделы. В результате органы местной администрации были завалены жалобами крестьян, которым отказали в праве пользования лошадыми. Иногда лошади закреплялись за двумя крестьянами поочерёдно, что тоже приводило к спорам и конфликтам¹²⁴. В спорах крестьян по поводу владения лошадыми аргументом служило то, кто из них сдавал скот привступлении в колхоз. Этот факт обычно учитывался при разделе скота во время ликвидации колхозов в 1942 г. или при распределении лошадей, переданных общине¹²⁵.

Относительно действий партизан следует отметить, что в заявлениях крестьян, отчётах волостных старост фразу «конфискация скота партизанами» необходимо рассматривать критически, поскольку часто даже в случае добровольной передачи партизанам скота и имущества документально этот акт оформлялся как насильственные действия со стороны партизан. Об этом свидетельствует обращение к населению генерального комиссара «Белорутении» В. Кубе, который отмечал, что очень многие жители содействуют партизанам тем, что отдают им без отпора коней и транспортные средства. В Кубе предупреждал гражданское население, что подобные действия будут классифицироваться оккупационными властями как саботаж¹²⁶.

Владельцы коров были обязаны сдавать государству определённое количество молока или молокопродуктов. Крестьяне, державшие домашнюю птицу, сдавали яйца и мясо птицы. В Тереховском районе распоряжением районного земельного управления с 1 января 1942 г. была введена обязательная годовая норма сдачи молока от коровы – 110 л при жирности 3,9%. Хозяйства рабочих и служащих до особого распоряжения от сдачи освобождались. Устанавливался план сдачи в течение года: январь – 2%, февраль – 3%, март – 5%, апрель – 7%, май – 10%, июнь – 20%, июль – 20%, август – 13%, сентябрь – 10%, октябрь – 5%, ноябрь – 3%, декабрь – 2%. Местным властям предписывалось провести проверку дойных коров. Для приёма молока в районе организовывались девять пунктов. Заведующие сливными или сепараторными пунктами вели ежедневный учёт молока, передавая суммарные данные волостному старшине. Далее всё молоко ежедневно к 17:00 доставлялось на Тереховский маслозавод. В случае порчи молока вследствие несвоевременной доставки виновные должны были покрыть убыток в пятикратном размере, испорченные продукты в общий объём поставок не засчитывались¹²⁷. От поставок молока освобождались только владельцы стельных коров до момента отёла¹²⁸.

Требование указывать в официальных документах жирность молока было обусловлено естественным стремлением владельцев коров минимизировать количество сдаваемого оккупационной администрации молока. Власти вели постоянную борьбу с держателями коров, которые разбавляли молоко водой. Бургомистр г. Добруша в приказе от 29 мая 1942 г. констатировал, что при проверке в лаборатории сдаваемого молока выяснилось, что 10 граждан разбавляли его водой, в результате чего жирность колебалась от 0,4 до 1,2% при требуемых 3%. Подобные действия расценили как саботаж, и начальнику полиции было приказано изъять у этих граждан коров. Остальные горожане еще раз получили предупреждение об ответственности за фальсификацию молока¹²⁹.

При наложении контингента* поставки мяса оккупационную администрацию интересовало получение всего объёма контингента, поэтому применялся гибкий принцип замены. В случае если крестьянское хозяйство не могло выполнить установленную норму по сдаче мяса коров, разрешалась сдача телят общим весом 250 кг или свиньи весом 100–150 кг, или поросят общим весом 150 кг¹³⁰. Практиковалась сдача на мясо коров, выданных крестьянам из общинного стада¹³¹. Выполнение мясопоставок сопровождалось конфликтами между крестьянами. Некоторые малоимущие граждане считали, что община могла бы выполнить контингент за счёт сдачи скота их более состоятельных односельчан. Осенью 1942 г. на имя начальника Тереховского районного земельного отдела поступило заявление от жительницы д. Тереховка, которая просила отменить сдачу коровы, которая пала от укуса бешеной собаки, и перечисляла семьи, в которых имелись коровы, тёлки и свиньи; у этих семей, по её мнению, можно было изымать скот безболезненно¹³². Сельский комендант Осиповичского района в конце 1942 г. предписывал старосте общины д. Репище прикрепить крестьян, сдавших своих коров в счёт военного сбора, к имеющим коров односельчанам из расчёта: две большие или три малые семьи на одну корову. Корма для коровы поставляли все закреплённые за коровой семьи¹³³.

Немецкие оккупационные власти в условиях затяжной войны были вынуждены уделять особое внимание системе землепользования для эффективного обеспечения вермахта, рейха и гражданского населения на оккупированной территории Белоруссии. На востоке Белоруссии были сохранены колхозы, впоследствии трансформировавшиеся в общинные хозяйства, в западных районах доминировали индивидуальные крестьянские хозяйства.

Крестьяне оккупированной Белоруссии платили земельный, натуральный и подушный налоги. В случае невыплаты граждане подвергались штрафу. Прошения о снятии обязательной поставки сельскохозяйственной продукции были очень распространены. Значительная часть мелких и средних крестьянских хозяйств не могла справляться с выполнением норм и апеллировала к местной администрации и районному сельскому руководителю, указывая на невозможность сдачи продуктов. Помимо бедности части крестьян, причиной невыполнения поставок являлись действия партизан, которые, часто принудительно, изымали у крестьян продукты. Однако оккупационные власти не были склонны полностью освобождать крестьян от поставок. В октябре 1942 г. начальник Браславского района уведомил волостных бургомистров, что

*Зд.: предельное количество, норма.

крестьяне должны выполнить хотя бы часть поставок, и только тогда они могут обращаться с просьбой к районному сельскому руководителю об их снижении¹³⁴. Поводом для обращения граждан в местные органы власти с просьбой уменьшить или отменить обязательный контингент становились военные действия или природные катаклизмы. Например, в земельно-хозяйственный отдел Клецкого района поступило заявление гражданина, который имел 3,5 гектара земли, полностью сдал контингент картофеля, но не мог сдать остальные продукты, так как, по его словам, в 1941 г. посевы были уничтожены градом на 80%¹³⁵.

В период прохождение по территории Белоруссии частей вермахта у местного населения были реквизированы продукты питания, взамен им выдавались квитанции и расписки. С момента установления оккупационных административных структур крестьяне начали выдвигать к немецким властям требования о компенсации за изъятую продукцию. Однако компенсации не последовали автоматически. Немецкие власти ограничились сбором у населения таких расписок и начали выяснение правомерности требований крестьян, для чего планировалось связаться с соответствующими частями вермахта, проводившими реквизиции¹³⁶. Конфискация продуктов вермахтом давала крестьянам повод требовать от местной администрации снижения или отмены продналога. Житель Борковичской волости Дриссенского района просил волостную управу включить в счёт госпоставок семь берковцев* сена, реквизированных у него вермахтом, но получил отказ в связи с отсутствием доказательств¹³⁷. Другой гражданин апеллировал к коменданту Дриссенского района с просьбой снять с него продналог, так как всё его имущество сгорело. Решение было передано на усмотрение сельского старосты, с условием, что уменьшение налогов с сельской общины недопустимо, можно только перераспределять их, перекладывая выплаты на тех, кто в состоянии их производить¹³⁸.

Часто граждане обращались в местную администрацию с просьбой пересмотреть налогообложение с числящейся за ними земли, которая традиционно делилась на три категории в зависимости от её ценности, и от этого зависел размер налога. Гражданин Купеловской общины Браславского района просил солтыса** перевести в третью категорию 16 гектаров имеющегося у него мохового болота, которое при прежней власти числилось как земля второй категории¹³⁹. В другом случае крестьянин обращался к властям с просьбой не начислять налог на землю, которую у него, как кулака, конфисковала советская власть. Из бывших в его собственности до прихода советской власти 50,5 гектара ему

* Старинная мера веса (массы), равная 10 пудам (163,8 кг).

** В средних веках глава (староста) села, деревни в Центральной и Восточной Европе. В старину был одновременно и судьёй.

оставили 15 гектаров, причём конфискованная земля никому не была передана, никем не обрабатывалась, но числилась за прежним владельцем, с которого взимался налог¹⁴⁰. Нередкими были случаи споров крестьян по вопросам собственности на землю, причём эти споры могли быть очень давними, со времён польской или советской власти¹⁴¹.

В западных районах генерального округа «Белорутения» существовала практика назначения опекунов (кураторов) над движимым или недвижимым имуществом граждан, если они по какой-либо причине (малолетство, старость) не могли управлять имуществом сами. Иногда просьба назначить куратора могла исходить от супругов, находящихся между собой в конфликте¹⁴². Поскольку оккупационная администрация была заинтересована в том, чтобы вся пахотная земля обрабатывалась, кураторство над землёй могло назначаться даже без согласия владельца. Назначенные кураторами крестьяне не всегда были довольны, так как эта обязанность отнимала силы и время от работы в своём хозяйстве.

Чтобы крестьяне максимально полно выполняли поставки продуктов государству, оккупационная администрация ввела систему стимулирующих мер. Летом 1942 г. Полоцкий районный отдел заготовки продуктов через волостных бургомистров извещал сельское население, что за сданную сельскохозяйственную продукцию крестьяне смогут приобрести товары (верёвки, вёдра, дёготь и др.) по твёрдым ценам в магазинах Центрального торгового общества «Восток» или обменивать излишки продуктов на дефицитные товары (соль, спички)¹⁴³.

Кроме фиксированных налогов, жители облагались рядом дополнительных повинностей и поборов. Периодически проводился сбор вещей для нужд вермахта. Осенью 1942 г. по Экиманской волости у крестьян было реквизировано 367,5 кг шерсти, 145 меховых полушубков, 16 меховых шапок, 25 ватных брюк, 100 пар валенок и других тёплых вещей¹⁴⁴. В разное время население принуждалось также сдавать для нужд вермахта колючую проволоку, сани, конский волос и др.¹⁴⁵.

Граждане, пользующиеся земельными участками, но не занимающиеся сельским хозяйством, не облагались поземельным налогом. На основании распоряжения командующего тылом группы армий «Центр» от 18 февраля 1942 г. с городского населения, пользовавшегося земельными участками, взималась земельная рента: с застроенных земельных участков – 20 коп. за м², с незастроенных – 5 коп. за м². Используемые частными лицами фруктовые сады и огороды не рассматривались как сельскохозяйственные земли. Но если их владельцы (рабочие, учителя, ремесленники) получали дополнительный доход, продавая продукцию на рынке, то вместе с налогом на продажу они платили и земельную ренту¹⁴⁶. Граждане, имеющие огороды, были обязаны платить натуральный сбор¹⁴⁷.

Спутником военного лихолетья были пожары. В довоенный период в городах Белоруссии преобладала деревянная застройка частного сектора, многие каменные административные здания центральной части города имели деревянные перекрытия, доминировало печное отопление, что создавало потенциальную опасность возгорания.

К 1942 г. в городах и районах были созданы пожарные команды и добровольные пожарные дружины. В Могилёве городская пожарная команда насчитывала 75 человек рядового состава и административный персонал. В подчинении городской службы находились районная служба и трубоотряд. К лету 1942 г. были восстановлены семь пожарных автомашин и собран некоторый инвентарь. На ряде предприятий возобновили работу пожарные дружины¹⁴⁸. В рамках профилактических мероприятий были обследованы 7000 частных и коммунальных зданий, дважды обследованы предприятия и учреждения, осмотрены пожарные гидранты, трижды проводилось информирование населения по радио о мероприятиях противопожарной безопасности. Как недостаток отмечалась слабая система оповещения о возгораниях, в результате чего в ряде случаев пожарная команда выезжала к месту пожара, ориентируясь по зареву¹⁴⁹.

Пожары происходили вследствие ряда причин. К возгоранию могла привести интенсивная топка печей в деревянных домах¹⁵⁰. Всего за 1942 г. в Могилёве, по неполным данным, произошли 43 пожара¹⁵¹. Большая часть пожаров приходилась на холодное время года и была вызвана интенсивной топкой печей и их конструкционными недостатками (размещение вплотную к деревянным стенам, проход дымохода через деревянные перекрытия) и, в меньшей степени, халатностью граждан и военнослужащих. Значительная часть пожаров происходила в зданиях, занятых личным составом вермахта или используемых как складские армейские помещения. Эти строения были вне сферы доступа инспекторов пожарной охраны, и производить тут профилактические мероприятия не представлялось возможным. В ряде случаев установив причину пожара не представлялось возможным, и это также чаще всего относилось к зданиям, занимаемым вермахтом. Немецкие военные не позволяли проводить детальное дознание ни пожарным, ни местной полиции.

Приказом Могилёвской городской управы от 2 февраля 1942 г. с целью предотвращения пожаров в городе вводилась немедленная принудительная чистка труб. Домовладельцы и квартиросъёмщики не должны были препятствовать мероприятию под страхом наказания. Вводились расценки на очистку. Чистка обыкновенной трубы стоила 1 руб., труб усиленных топок дважды в месяц – 6 руб., паровых труб – 15–30 руб., выемка птичьих гнёзд из дымоходов – 9 руб., выжигание сажи в дымоходах

– 10–20 руб.¹⁵². В Витебске с 1 октября 1941 г. по 1 октября 1942 г. в домах, принадлежавших домоуправлению и промышленным предприятиям, по неполным данным, произошло 15 пожаров. Из отчёта витебской пожарной охраны за январь – сентябрь 1942 г. следует, что было произведено профилактическое обследование 1961 жилого дома, 37 предприятий, 70 мастерских, 15 столовых, в 105 домах составлены акты об обнаружении дефектов, расследованы причины 27 пожаров¹⁵³.

Таким образом, изучение документов коллаборационной администрации позволяет получить объективную картину повседневной жизни сельского населения Белоруссии, даёт представление об эффективности мероприятий немецких оккупационных властей. Немецкие оккупационные власти стремились максимально использовать ресурсы оккупированной Белоруссии для обеспечения вермахта и рейха, в результате коллаборационная администрация не имела средств для поддержания на должном уровне коммунального хозяйства и здравоохранения, удовлетворения насущных нужд граждан.

Установление нацистского оккупационного режима обернулось для гражданского населения резким ухудшением санитарной обстановки вследствие недостатка врачей, медикаментов, острым дефицитом воды, топлива, электроэнергии и ухудшением жилищных условий. Население Белоруссии становилось также жертвой чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий или техногенных катастроф. Коллаборационная администрация предпринимала определённые усилия для борьбы с пожарами и наводнением, однако чрезвычайные ситуации, уносившие человеческие жизни и причинявшие материальный ущерб, возникали регулярно. Нарушение функционирования довоенных ветеринарных структур, высокая стоимость ветеринарных услуг, хаотичное перемещение домашнего скота вследствие принудительной миграции населения на оккупированной территории приводили к резкому увеличению эпизоотических заболеваний, что сокращало поголовье скота и ещё более ухудшало и без того суровую оккупационную действительность.

Примечания

¹ Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

² ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

³ Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). Ф. 2134. Оп. 1. Д. 5. Л. 20–21.

⁴ ГАВО. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 5. Л. 30, 31 об.

⁵ Там же. Л. 16–17.

⁶ Государственный архив Минской области (далее – ГАМО). Ф. 1039. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.

⁷ Там же. Ф. 686. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 4–4 об.

⁹ Государственный архив Могилёвской области (далее – ГАМГО). Ф. 858. Оп. 32. Д. 2. Л. 35.

¹⁰ ГАМО. Ф. 686. Оп. 1. Д. 1. Л. 205–206.

- ¹¹ Там же. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 3. Л. 91, 119–119 об.
¹² ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
¹³ Там же. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Л. 11 об.
¹⁴ Государственный архив Гродненской области. Ф. 610. Оп. 1. Д. 23. Л. 175 А.
¹⁵ ГАВО. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2. Л. 145–146.
¹⁶ Там же. Л. 146.
¹⁷ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 3–6.
¹⁸ Там же. Л. 1–2.
¹⁹ Там же. Л. 10.
²⁰ ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
²¹ ГАВО. Ф. 2074. Оп. 1. Д. 8. Л. 292.
²² ГАМГО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–47.
²³ ГАВО. Ф. 2847. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
²⁴ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.
²⁵ ГАМО. Ф. 624. Оп. 2. Д. 1. Л. 30.
²⁶ Там же. Л. 32.
²⁷ ГАВО. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1. Л. 28.
²⁸ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.
²⁹ Там же. Ф. 858. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.
³⁰ ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 81. Л. 159.
³¹ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.
³² ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–19.
³³ Там же. Л. 130.
³⁴ Там же. Д. 1. Л. 42–43.
³⁵ Там же. Л. 24 об.
³⁶ ГАМО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
³⁷ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.
³⁸ Там же. Л. 1.
³⁹ ГАМО. Ф. 681. Оп. 1. Д. 27. Л. 109.
⁴⁰ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232. Л. 4.
⁴¹ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 45. Л. 126.
⁴² ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232. Л. 1–2, 29.
⁴³ ГАМО. Ф. 635. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.
⁴⁴ ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
⁴⁵ ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 81. Л. 162.
⁴⁶ ГАГО. Ф. 1344. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
⁴⁷ ГАВО. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 5. Л. 168.
⁴⁸ Там же. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139. Л. 6, 10, 14, 25, 34.
⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 181. Л. 7, 21.
⁵⁰ Там же. Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2. Л. 143–144.
⁵¹ Там же. Л. 144.
⁵² ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2, 5–5 об.
⁵³ ГАВО. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 182. Л. 51–52 об.
⁵⁴ Там же. Д. 183. Л. 3–11.
⁵⁵ Там же. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 35. Л. 46.
⁵⁶ Там же. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139. Л. 60–63.
⁵⁷ ГАГО. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 35. Л. 9–9 об.
⁵⁸ Там же. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.
⁵⁹ ГАВО. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 180. Л. 1–9.
⁶⁰ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 104. Л. 1, 3.
⁶¹ Там же. Д. 15. Л. 48.
⁶² Там же. Д. 17. Л. 7–7 об.
⁶³ ГАГО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
⁶⁴ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 1. Л. 355.

- ⁶⁵ ГАГО. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
⁶⁶ ГАМО. Ф. 4232. Оп. 1. Д. 29. Л. 74.
⁶⁷ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 23. Л. 63.
⁶⁸ Там же. Д. 163. Л. 31.
⁶⁹ Там же. Л. 30.
⁷⁰ ГАВО. Ф. 2074. Оп. 1. Д. 38. Л. 37.
⁷¹ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 47. Л. 5–7, 9.
⁷² ГАМО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
⁷³ Там же. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 24. Л. 31.
⁷⁴ ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
⁷⁵ ГАБО. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.
⁷⁶ Там же. Д. 28. Л. 69.
⁷⁷ ГАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.
⁷⁸ ГАГО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1. Л. 48, 87–89.
⁷⁹ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 23. Л. 62 об.
⁸⁰ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
⁸¹ ГАВО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
⁸² ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
⁸³ Там же. Л. 2 об.
⁸⁴ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 29. Л. 60.
⁸⁵ Там же. Д. 156. Л. 363.
⁸⁶ Там же. Д. 15. Л. 93.
⁸⁷ Там же. Л. 94.
⁸⁸ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 2. Д. 18. Л. 5–9.
⁸⁹ Там же. Д. 20. Л. 3; Д. 19. Л. 6, 7–7 об.
⁹⁰ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.
⁹¹ Там же. Л. 5–10.
⁹² ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 245. Л. 63.
⁹³ ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
⁹⁴ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 30. Л. 60–62.
⁹⁵ Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 46. Л. 2–2 об.
⁹⁶ Там же. Ф. 858. Оп. 3. Д. 3. Л. 57.
⁹⁷ Там же. Л. 82–82 об.
⁹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
⁹⁹ ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.
¹⁰⁰ Там же. Д. 4. Л. 41.
¹⁰¹ ГАМГО. Ф. 847. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.
¹⁰² ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
¹⁰³ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
¹⁰⁴ ГАГО. Ф. 1344. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
¹⁰⁵ Там же. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
¹⁰⁶ ГАМО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 8. Л. 85.
¹⁰⁷ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 32. Д. 2. Л. 8.
¹⁰⁸ ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
¹⁰⁹ ГАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.
¹¹⁰ ГАВО. Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
¹¹¹ Там же. Л. 15.
¹¹² Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 8. Л. 74; ГАМО. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.
¹¹³ ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 156. Л. 88.
¹¹⁴ Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 20. Л. 290.
¹¹⁵ ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
¹¹⁶ ГАБО. Ф. 684. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
¹¹⁷ ГАВО. Ф. 2825. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
¹¹⁸ Там же. Л. 13.

- ¹¹⁹ ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 98. Л. 79–80.
¹²⁰ ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.
¹²¹ Там же. Л. 47.
¹²² ГАВО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
¹²³ ГАВО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
¹²⁴ Там же. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1. Л. 100–100 об.
¹²⁵ Там же. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 15. Л. 20.
¹²⁶ ГАМО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.
¹²⁷ ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–11 об.
¹²⁸ ГАВО. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.
¹²⁹ ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
¹³⁰ Там же. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.
¹³¹ ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.
¹³² ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 13–13 об.
¹³³ ГАМГО. Ф. 845. Оп. 3. Д. 3. Л. 26.
¹³⁴ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 17. Л. 23.
¹³⁵ ГАМО. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.
¹³⁶ ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.
¹³⁷ Там же. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
¹³⁸ Там же. Л. 49.
¹³⁹ Там же. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1 об.
¹⁴⁰ Там же. Л. 5.
¹⁴¹ Там же. Д. 3. Л. 32–32 об.
¹⁴² Там же. Л. 10–10 об.
¹⁴³ Там же. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.
¹⁴⁴ Там же. Л. 179.
¹⁴⁵ Там же. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
¹⁴⁶ ГАМО. Ф. 1604. Оп. 2. Д. 4. Л. 119–120.
¹⁴⁷ ГАВО. Ф. 2074. Оп. 1. Д. 30. Л. 10, 15.
¹⁴⁸ ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.
¹⁴⁹ Там же. Д. 21. Л. 134.
¹⁵⁰ Там же. Л. 41.
¹⁵¹ Там же. Л. 2–130.
¹⁵² Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 156. Л. 129.
¹⁵³ ГАВО. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 142. Л. 14, 23.